

Нѣсколько словъ объ исторической критикѣ.

Еще многія основныя понятія методологіи исторіи являются мало опредѣленными даже въ контурахъ, не говоря уже о детальной разработкѣ и выясненіи болѣе частныхъ ихъ образующихъ линій. А между тѣмъ, только исходя изъ возможно полнаго, широкаго и точнаго раскрытія содержанія главнѣйшихъ понятій исторической методологіи возможно сконструировать содержаніе этой дисциплины съ достаточной логичностью и цѣльностью.

Къ числу такихъ донынѣ мало выясненныхъ и въ то-же время основныхъ понятій въ методологіи исторіи принадлежитъ понятіе объ исторической критикѣ. Терминъ этотъ пущенъ въ научный оборотъ очень давно, еще тогда, когда методологіи исторіи, какъ отдѣльной дисциплины, можно сказать, не существовало; нынѣ онъ пріобрѣлъ полное признаніе права на свое существованіе въ историко-методологической литературѣ; однако, едва-ли возможно утверждать, что понятіе объ исторической критикѣ раскрыто достаточно полно и точно въ его содержаніи. Дѣйствительно, попытки въ этомъ направленіи дѣлались, дѣйствительно, нѣчто общими усиліями тутъ достигнуто, но едва-ли это достигнутое является достаточнымъ, едва-ли на этомъ можно остановиться; думается, что необходимо дѣлать еще дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, и задачей предлагаемой статьи будетъ посильная попытка сдѣлать одинъ такой шагъ въ дальнѣйшемъ раскрытіи понятія объ исторической критикѣ.

На вопросъ, что такое историческая критика, въ изслѣдованіяхъ новѣйшихъ историковъ-методологовъ, можно найти болѣе или менѣе единообразный отвѣтъ. Въ болѣе новое время такое общепринятое опредѣленіе исторической критики формулировано Бернгеймомъ въ его «Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie», а

также Langlois и Seignobos'омъ въ «Introduction aux études historiques». «Задача исторической критики состоитъ въ томъ, пишетъ Бернгеймъ, чтобы частью твердо установить фактичность (Tatsächlichkeit) показаній источниковъ и изъ нихъ выводимыхъ событій, частью рѣшить, — или выявить, — до какой степени вѣроятности эти послѣднія можно принимать, какъ дѣйствительныя...; форма, въ которую отливаются (erfolgen) такіа твердоустанавливаемые положенія, есть всегда сужденіе частью объ отношеніи источниковъ къ дѣйствительности, частью объ отношеніяхъ явленій дѣйствительности (Tatsachen) другъ къ другу...; никогда не надо забывать, говоритъ Бернгеймъ немного ниже, что для исторической критики, по крайней мѣрѣ, основнымъ и главнымъ предметомъ ея содержанія является констатированіе фактичности (Tatsächlichkeit)» ¹⁾. Ланглуа и Сеньобосъ, не останавливаясь подробнѣе на выясненіи понятія о критикѣ въ ея цѣломъ, однако намѣчаютъ такое краткое ея опредѣленіе: «подробный анализъ сужденій, которыя ведутъ отъ вещественнаго констатированія документовъ къ познанію фактовъ есть одна изъ главныхъ частей исторической методологіи; это -- область критики» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, придавая одной части критики задачу такого «вещественнаго констатированія документовъ» (т. е. удостовѣренія ихъ фактичности), другую часть критики вышеназванные ученые опредѣляютъ, какъ долженствующую установить, «что въ документѣ можетъ быть принято, какъ истинное» ³⁾. Несомнѣнно, что опредѣленія критики и Бернгейма, и Ланглуа-Сеньобоса очень близки между собой по существу, съ одной стороны, а съ другой — такое опредѣленіе не было ими только впервые построено, а строилось таковымъ-же въ его основныхъ чертахъ и ранѣе; это уже было отмѣчено ⁴⁾. Однако, въ послѣднее время въ это опредѣленіе было внесено существенное дополненіе, опредѣленно его видоизмѣнившее въ сторону дальнѣйшаго его развитія и большаго выясненія. Былъ указанъ моментъ, о которомъ у Бернгейма есть только не-

¹⁾ См. Bernheim. Lehrbuch der hist. Meth., Leipzig. 1908. S. 324 и 325.

²⁾ Langlois et Seignobos. Introduction aux études historiques. p. 48. Quatrième édition.

³⁾ Ib. p. 117—118.

⁴⁾ См. Лаппо-Данилевскій. Методологія исторіи. Т. II-й. Стр. 519 и 520, примѣч.

ясный намекъ, моментъ, опредѣляющій критическое разсмотрѣніе источника, какъ отнесеніе его къ нѣкоторой научной цѣнности, которую можно характеризовать, какъ «фактическую» истину¹⁾.

Именно изъ такого пониманія исторической критики, мы и будемъ исходить въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

Итакъ, критика должна установить дѣйствительность данныхъ, даваемыхъ источниками, выдѣлить въ источникѣ, что можетъ быть принято, какъ дѣйствительно бывшее, какъ истинное, и всѣмъ этимъ она «опредѣляетъ научную цѣнность источника для построенія дѣйствительности, что она и можетъ сдѣлать только путемъ отнесенія его къ научной цѣнности, называемой «фактической истиной» (Лаппо-Данилевскій). Однако, можетъ-быть, съ одной стороны, остается несовсѣмъ строго опредѣленнымъ понятіе о «фактической истинѣ»; съ другой стороны, можетъ-быть, надо болѣе выдѣлить процессъ отнесенія къ цѣнности, который несомнѣнно присутствуетъ, — и съ основнымъ его значеніемъ, — въ исторической критикѣ. Остановимся сначала на первомъ.

Если изслѣдователь беретъ въ поле своего критическаго разсмотрѣнія тотъ или иной историческій источникъ, то онъ никогда его не разсматриваетъ во всей полнотѣ его отношеній къ его окружавшей (и окружающей отчасти) реальности; вѣдь, даже самый простой историческій фактъ, самая небольшая часть такой реальности, сложенъ до безконечности, и брать его во всей многогранности его неопредѣленно большой сложности будетъ едва-ли возможнымъ для изслѣдователя. Такой самый простой, самый элементарный историческій фактъ, вѣдь, въ концѣ концовъ всегда возможно разложить на еще болѣе простые, такъ-какъ каждый фактъ историческій является всегда субсуммированіемъ ряда регистрированныхъ внѣшнихъ воспріятій (конечно, дошедшихъ до изслѣдователя только въ ихъ передачѣ) путемъ пользованія тѣми или иными общими понятіями, взятыми изъ сферы общезначимаго человѣческаго знанія данной эпохи. Это легко вскрыть на примѣрѣ самаго элементарнаго историческаго факта: Петръ Великій умеръ въ 1725 г. Въ этомъ фактѣ, съ одной стороны, еще современниками Петра отмѣченъ рядъ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій. Методологія исторіи. Т. II. Стр. 518—523.

тѣхъ внѣшнихъ воспріятій, которыя въ ихъ общемъ подводятся подъ понятіе о смерти, понятіе, являющееся уже нѣкоторымъ сложнымъ продуктомъ нашего мышленія: съ другой стороны, тутъ самая дата этого событія образована путемъ субсуммированія цѣлаго комплекса разнаго рода внѣшнихъ воспріятій подъ нѣкоторое, достаточно сложное, построеніе нашего мышленія изъ сферы временныхъ отношеній явленій. Слѣдовательно, мы въ состояніи этотъ крайне простой историческій фактъ разложить еще на рядъ болѣе простыхъ, беря болѣе простые понятія (хотя-бы болѣе частныя по отношенію понятія о смерти) и соотвѣтственно подъ ними субсуммируя только нѣкоторыя, соотвѣтственныя имъ внѣшнія воспріятія. Такого рода возможность раздѣленія самаго даже элементарнаго историческаго факта на рядъ его составляющихъ еще болѣе простыхъ фактовъ въ большинствѣ случаевъ можетъ идти очень глубоко; а если такъ, то понятно, какъ даже не особенно сложный историческій фактъ возможенъ къ неопредѣленно длинному послѣдовательному разложенію его на факты простѣйшіе, въ результатѣ дающіе изслѣдователю неопредѣленно большой комплексъ, едвали въ его цѣломъ и его сложности уловимый сознаніемъ историка.

Если въ подобномъ положеніи мы находимся по отношенію даже къ такой простѣйшей части реальности, каковой является несложный отдѣльный историческій фактъ, то всѣ вышеизложенныя разсужденія останутся тѣмъ болѣе въ полной силѣ по отношенію ко всей реальности вообще, въ ея цѣломъ, хотя-бы и отграниченной тѣми или иными хронологическими границами. Слѣдовательно, при критическомъ процессѣ невозможно имѣть въ виду вообще всю реальность: по отношенію къ ней вѣдь, очевидно, изслѣдователь не будетъ въ состояніи разсматривать изучаемый имъ матеріалъ. Но есть-ли въ этомъ необходимость? Вѣдь, въ изучаемыхъ историческихъ данныхъ изслѣдователь обращаетъ вниманіе, — принимаетъ въ свою работу, — только и исключительно тѣ стороны этихъ данныхъ, которыя являются относящимися такъ или иначе до той темы-задачи, которую себѣ ставитъ изслѣдователь, — иными словами, — эти стороны опредѣляются тѣмъ интересомъ, который направляетъ историка въ ходѣ его работы.

Вопросъ объ интересѣ, какъ о чемъ-то руководящемъ въ дѣятельности изслѣдователя-историка поднять и опредѣленно по-

ставленъ послѣднее время, если не ошибаемся, Ed. Meyer'омъ ¹⁾. Нельзя не раздѣлять его соображеній въ этомъ направленіи и его утвержденія, что не дѣло историка-методолога разбираться въ психологическихъ и иныхъ основаніяхъ законности существованія такого интереса: это въ исторической методологіи надо просто принимать, какъ наличный фактъ, существованіе котораго, необходимое присутствіе котораго при работѣ у каждого историка-ислѣдователя едва-ли возможно отрицать уже по одному тому, что внѣ интереса не строится изслѣдователемъ конкретная тема-задача его работы, а внѣ такой темы-задачи едва-ли возможно какое-либо научное историческое построеніе.

Такимъ образомъ, изучая данный источникъ, не во всей полнотѣ его отношеній къ реальности вообще долженъ ставить его въ своей критической работѣ изслѣдователь: онъ беретъ только такую реальность, которая всецѣло опредѣляется научнымъ интересомъ историка, и только въ отношеніе къ *такой* реальности, которая и будетъ уже тогда «фактической истиной», онъ такъ или иначе устанавливаетъ имъ критикуемый источникъ. Слѣдовательно, самое понятіе о фактической истинѣ въ исторической критикѣ опредѣляется только такъ, какъ то предугадываетъ интересъ изслѣдователя.

Итакъ, та фактическая истина, по отношенію которой изслѣдователь ставитъ критикуемый источникъ въ тѣхъ или иныхъ его частяхъ, конструируется изъ частей реальности, взятыхъ подъ воздѣйствіемъ индивидуальнаго, данному историкъ присущаго, формулированнаго интереса.

Въ этой формулировкѣ своего интереса изслѣдователь обычно едва-ли можетъ избѣжать того, чтобы не опираться при этомъ на сложныя, ранѣе и независимо созданныя понятія, долженствующія быть, конечно, общезначимыми при исторической работѣ научнаго характера. Обратимся къ примѣру. Разсматривая тотъ или иной документъ законодательнаго характера въ Россіи въ эпоху Петра Великаго, не въ отношеніи ко всей вообще реальности данной эпохи будетъ историкъ вести свое изученіе. Онъ выберетъ изъ этой реальности только то, что такъ или иначе относится къ его

¹⁾ См. Ed. Meyer. Zur Methodik und Theorie der Geschichte.

формулированному интересу; и если таковымъ будетъ изученіе законодательной дѣятельности Петра Великаго, то историкъ будетъ имѣть въ виду только ту сторону реальности, которая подходит или можетъ быть подведена такъ или иначе подъ понятіе о *законодательной* дѣятельности Петра. И если это понятіе является (а оно именно таково и есть) независимымъ и сложнымъ продуктомъ познавательной дѣятельности историка, то тѣмъ самымъ на полученной путемъ отбора на основаніи этого понятія какъ-бы частичной реальности, фактической истинѣ, всегда и неизбѣжно будетъ лежать отпечатокъ познавательной творческой дѣятельности или даннаго историка самого, или со стороны имъ воспринятой; и если пониманіе того, какой актъ является законодательнымъ, и пониманіе о такомъ актѣ именно въ Петровскую эпоху явится въ критическомъ процессѣ у историка общезначимымъ и общеобязательнымъ, тогда будутъ и общеобязательны его критическія разсужденія, и тѣмъ самымъ они явятся вполне научными. Только въ отношеніи къ именно такъ построенной фактической истинѣ изслѣдователь и будетъ ставить имъ изучаемый источникъ.

Итакъ, прежде всего та фактическая истина, та дѣйствительность, по отношенію къ которой изслѣдователь при критическомъ процессѣ разсматриваетъ критикуемый матеріалъ историческій, строится необходимо съ помощью и участіемъ продуктовъ обобщающей познавательной дѣятельности историка, долженствующихъ быть общезначимыми и общеобязательными для научности въ построеніи необходимой изслѣдователю фактической истины. Фактическая истина, слѣдовательно, всегда является въ исторической критикѣ, во-первыхъ, опредѣленно индивидуальной по содержанію своему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а, во-вторыхъ, всегда въ существѣ своемъ строится при посредствѣ данныхъ изъ общей познавательной дѣятельности человѣчества, чѣмъ всегда вносится нѣкоторая условная относительность въ ея сущность; если это такъ, то фактическая истина не является въ построеніи своемъ чѣмъ-то безотносительно неизмѣннымъ, абсолютно и одинаково точно понимаемымъ для всего человѣчества всѣхъ временъ; наоборотъ, она, неизбѣжно строясь, какъ было выяснено выше, носить въ себѣ элементы относительности и условности, но, конечно, не произвольно субъективной, а

обязательно общезначимой для той эпохи и той культуры, къ которой принадлежит историкъ-ислѣдователь. Отнесеніемъ историческаго матеріала къ такъ строяемой цѣнности и занята историческая критика въ ея цѣломъ.

Только-что выше нами указанныя основныя черты фактической истины въ исторической критикѣ уже предопредѣляютъ самый процессъ такого отнесенія, процессъ исторической критики въ его основныхъ моментахъ.

Говоря о критическомъ процессѣ, мы употребляли выраженіе: «отнесеніе въ фактической истинѣ». Мы только что пытались выяснить понятіе о фактической истинѣ въ исторической критикѣ, но остается неяснымъ, что должно подразумѣвать подъ терминомъ «отнесеніе къ...» Постараемся попытаться развить его содержаніе. Говоря краткою формулой, отнести данный источникъ (или матеріалъ вообще) къ фактической истинѣ значитъ установить сужденіе о томъ, какъ, въ чемъ и насколько все и всякое (внутреннее и внѣшнее) содержаніе источника можетъ соответствовать той мѣрѣ, тѣмъ требованіямъ, которыя данная, индивидуальная (другой, мы видѣли, не можетъ быть) фактическая истина ставить и предъявлять. Фактическая истина, мы видѣли, въ той или иной своей индивидуальности опредѣляется интересомъ изслѣдователя, его темой-задачей; а тѣмъ самымъ, слѣдовательно, приходится въ критическомъ процессѣ разсматривать, что въ содержаніи источника можетъ послужить къ разрѣшенію этого интереса, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ это является для изучаемаго источника возможнымъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и дать отвѣтъ на основную задачу исторической критики. Но до этого момента критической работы, ради его надлежащаго выполненія логически необходимымъ является возможно полно, точно и ясно представить себѣ, выявить, что заключается въ источникѣ, т. е. его наивозможно полно охарактеризованное содержаніе. Только имѣя точно опредѣленное знаніе всей возможно полной характеристики источника, только ясно зная, что данный матеріалъ изъ себя представляетъ въ возможныхъ деталяхъ, только въ такомъ случаѣ мы будемъ въ состояніи *затѣмъ* уже приступить къ собственно «отнесенію» его къ фактической истинѣ.

Исслѣдователь, вѣдь, долженъ возможно полно, точно и ясно представлять себѣ, чѣмъ въ его опредѣляющихъ чертахъ является

передъ нимъ имѣющійся источникъ. Если имѣть въ виду обобщенный примѣръ, то историкъ-ислѣдователь долженъ точно и возможно подробно выяснить автора, время происхожденія, составъ, сохранность, оригинальность, подлинность, обстановку происхожденія источника и т. п., словомъ — дать его полную характеристику, и уже только тогда историкъ будетъ въ состояніи поставить этотъ источникъ въ то или иное опредѣленное отношеніе къ той фактической истинѣ, о которой мы говорили выше.

Итакъ, критическій процессъ во всемъ его объемѣ распадается на два момента: первый моментъ, наиважнѣйшій, будетъ посвященъ собственно отнесенію данного источника къ фактической истинѣ, а второй моментъ будетъ посвященъ составленію возможно полной и точной характеристики критикуемаго источника. Несомнѣнно, второй моментъ долженъ предшествовать первому. А сообразно этому, слѣдовательно, мы можемъ разбить критику на двѣ основныя части: 1) характеристику источника и 2) собственно отнесеніе его къ фактической истинѣ или оцѣнку.

Въ современной методологической литературѣ существуетъ иное болѣе или менѣе общепринятое подраздѣленіе исторической критики на два основныя отдѣла: критики внѣшней и критики внутренней (хотя надо замѣтить, что не совсѣмъ одинаковое содержаніе вливается въ каждое изъ этихъ двухъ основныя подраздѣленій). Бернгеймъ, подраздѣляя всю историческую критику на внѣшнюю (*äussere*) и внутреннюю (*innere*), даетъ первой изъ нихъ слѣдующее опредѣленіе: «мы, историки, считаемъ низшей, или внѣшней, критикой, — въ отличіе отъ филологическаго словоупотребленія, — сужденіе о томъ, допустимы-ли вообще и насколько допустимы тѣ или инныя данныя (*Daten*) въ качествѣ свидѣтельствъ (*Zeugnisse*)» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ названный ученый даетъ болѣе распространенное опредѣленіе: матеріалъ, даваемый источниками «внѣшняя критика обнаруживаетъ и его контролируетъ; она судитъ о фактичности (*Tatsächlichkeit*) такого матеріала, т. е. о томъ, допустимы-ли отдѣльные источники вообще, какъ историческія свидѣтельства, — по крайней мѣрѣ, на сколько допустимы, —

¹⁾ E. Bernheim. *Lehrbuch der histor. Methode...* S. 325.

и такъ обслѣдованные источники она направляетъ уже къ дальнѣйшему опредѣленію ихъ» ¹⁾. Устанавливая то-же дѣленіе критики на внѣшнюю и внутреннюю (*critique externe* и *critique interne*), первой изъ нихъ Ланглуа-Сеньобосъ даютъ слѣдующее опредѣленіе: «возстановленіе текстовъ, критика происхожденія, собраніе и классификація провѣренныхъ документовъ составляетъ обширную область для критики внѣшней, или критики эрудиціи (*critique d'érudition*)» ²⁾.

Сравнивая эти опредѣленія для критики внѣшней, данныя въ наше время историками-методологами, нельзя не замѣтить, что почти по существу одинаковое содержаніе вливаютъ Бернгеймъ и Ланглуа-Сеньобосъ въ терминъ «внѣшняя критика». Вѣдь, Бернгеймъ намѣчаетъ, исходя изъ своего общаго опредѣленія внѣшней критики, три конкретныхъ ея задачи: первая — провѣрка подлинности источника, вторая — опредѣленіе источниковъ со стороны ихъ внѣшности, и третья — выясненіе оригинальнаго текста и его возстановленіе съ внѣшней и внутренней стороны (*Rezensiön und Edition*) ³⁾. Если сравнить такъ формулированныя задачи внѣшней критики Бернгеймомъ съ опредѣленіемъ Ланглуа-Сеньобоса, то совершенно очевидно, что одни и тѣ-же въ ихъ существѣ и общемъ начертаніи процессы объединяются названными учеными подъ общимъ названіемъ внѣшней критики. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ сущности въ этомъ опредѣленіи идетъ дѣло исключительно объ источникѣ или объ источникахъ (или ихъ частяхъ); цѣлью ставится работа надъ источниками, какъ цѣльными и отдѣльными единицами; вопросы о тѣхъ собственно историческихъ фактахъ, которые въ томъ или иномъ мѣстѣ источника такъ или иначе свидѣлствуются, не входятъ въ предѣлы, во всякомъ случаѣ основнаго, момента въ вышеизложенномъ опредѣленіи внѣшней критики. Это разсужденіе послужило основаніемъ къ тому, чтобы въ послѣднее время выдвинуть, какъ особую часть критики, — критику подлинности, — имѣющую своей задачей обслѣдованіе источника, только и исключительно источника въ его цѣломъ, совершенно не

¹⁾ Op. cit. S. 330.

²⁾ Langlois-Seignobos. Introduction aux études historiques. P. 89.

³⁾ Bernheim. Lehrbuch... S. 330 и 450.

касясь вопроса о тѣхъ свидѣтельствахъ фактическихъ самихъ по себѣ, которыя въ источникахъ заключаются ¹⁾).

Вторую часть критики обычно называютъ внутренней критикой. Бернгеймъ даетъ ей такое сжатое опредѣленіе: «мы считаемъ высшей, или внутренней, критикой сужденіе о томъ, какъ свидѣтельства (Zeugnisse) [источниковъ] относятся къ дѣйствительности (Tatsachen), т. е. какія свидѣтельства допустимы, вѣроятны, возможны и [какія] нужно отвергнуть» ²⁾. Далѣе названный ученый даетъ болѣе подробное опредѣленіе этой части критики. «Задача (Aufgabe) внутренней критики состоитъ въ томъ,—говоритъ Бернгеймъ,—чтобы провѣрить,—по примѣру судебного слѣдователя,—что изъ фактичности прошлаго можетъ быть констатировано или свидѣтельскими показаніями, или непосредственными слѣдами (Spuren) этого прошлаго»; «внутренняя критика провѣряетъ доказательную силу единичныхъ слѣдовъ и свидѣтельскихъ показаній, контролируетъ одни другими, взвѣшиваетъ ихъ одни по отношенію къ другимъ. Доказательная сила, цѣнность всѣхъ свидѣтельствъ покоится, съ одной стороны, на отношеніяхъ ихъ къ фактамъ самимъ въ себѣ (an sich), а съ другой стороны, на отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, поскольку они взаимно другъ съ другомъ согласуются или вѣтъ» ³⁾. Langlois и Seignobos даютъ такое опредѣленіе внутренней критики: эта «критика предназначена для того, чтобы различить въ документѣ все то, что можетъ быть въ немъ принято, какъ истинное (compte vrai)» ⁴⁾. Въ этомъ опредѣленіи, несомнѣнно, подъ словами «все то», надо подразумѣвать всѣ свидѣтельства находящіяся въ данномъ источникѣ. Нетрудно видѣть, что общій контуръ опредѣленія внутренней критики у всѣхъ названныхъ ученыхъ тождественъ, и съ такой точки зрѣнія можно опредѣлить внутреннюю критику, пользуясь терминами Лаппо-Данилевскаго, какъ процессъ отнесенія историческихъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, къ фактической истинѣ.— Тутъ нельзя не замѣтить, что критика внутренняя будетъ имѣть дѣло почти исключительно съ отдѣльными свидѣтельствами объ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій, Методологія исторіи. Т. II.

²⁾ Bernheim. Lehrbuch... S. 325.

³⁾ E. Bernheim. Op. cit. S. 464—465.

⁴⁾ Langlois et Seignobos. Op. cit. p. 89.

историческихъ фактахъ, заключенными въ тѣхъ или иныхъ источникахъ; слѣдовательно, выполнѣ правильно и болѣе рачіонально эту, вторую, часть критики разсматривать именно и преимущественно съ этой точки зрѣнія, какъ и сдѣлано было послѣднее время; въ такомъ случаѣ эта половина исторической критики получала названіе «критики достовѣрности»¹⁾.

Таково то основное дѣленіе, которое существуетъ нынѣ въ методологической литературѣ по отношенію къ исторической критикѣ. Однако, необходимо имѣть въ виду, что оно является сходнымъ у большинства современныхъ историковъ-методологовъ только въ крупнѣйшихъ, хотя и основныхъ, чертахъ; въ болѣе мелкихъ моментахъ тотъ-же Бернгеймъ сильно расходится съ тѣми-же Ланглуа и Сеньобосомъ при построеніи понятій о каждой изъ выше названныхъ частей критики.

Но мы оставляемъ въ сторонѣ эти менѣе значительныя разногласія, какъ не могущія войти въ сферу нашего разсмотрѣнія въ предлагаемой небольшой статьѣ.

Мы уже указали на тѣ основныя два момента на которые можетъ быть раздѣленъ съ нашей точки зрѣнія критическій процессъ; мы видѣли, что это раздѣленіе будетъ исходить всецѣло изъ самой сущности понятія объ исторической критикѣ. Первый моментъ мы назвали характеристикой источника, а второй—собственно отнесеніемъ къ фактической истинѣ, или оцѣнкой.

Дать возможно полную и точную характеристику источника значить собрать возможно большее количество и возможно точныхъ и ясныхъ данныхъ, которыя-бы могли такъ или иначе свидѣтельствовать объ этомъ источникѣ, давая въ своей совокупности всю сумму знаній, которыя могутъ служить къ возможно детальному пониманію изслѣдователемъ каждой самой мелкой черточки источника; вѣдь, повторимъ, только такое знаніе источника и дастъ возможность изслѣдователю точно и опредѣленно выполнить второй основной моментъ критическаго процесса, т. е. отнести разсматриваемый источникъ къ фактической истинѣ. Этотъ первый моментъ критическаго процесса несомнѣнно можетъ быть подраздѣленъ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій *Op. cit.*

на части въ свою очередь, причемъ это раздѣленіе опять-таки должно исходить изъ внутренняго существа процесса характеристики. Съ такой точки зрѣнія можно намѣтить двѣ части характеристики: 1) характеристика источника съ его внѣшней стороны и 2) характеристика источника съ его внутренней стороны (со стороны содержанія). У каждаго источника можно отличать его внѣшнія данныя, которыя несомнѣнно могутъ дать иногда многое для его характеристики, такъ-какъ она не была-бы достаточно полна безъ данныхъ о чисто внѣшней, въ прямомъ смыслѣ этого слова, сторонѣ источника: тотъ матеріаль, изъ котораго сдѣланъ источникъ (или на которомъ онъ начертанъ, если дѣло идетъ о письменномъ источникѣ),—та внѣшняя манера, внѣшніе приемы, которыми сдѣланъ источникъ (стиль въ художественномъ произведеніи, палеографическія данныя въ письменномъ памятникѣ, техническіе приемы въ вещественномъ остаткѣ быта и т. д.),—исторія его происхожденія и его храненія до момента критики,—его внѣшняя провеніенція,—(одинаково, будь то вещественный остатокъ или традиція)—вотъ тѣ главнѣйшія основныя части, которыя намѣчаются въ характеристикѣ источника съ внѣшней его стороны.

Въ только-что изложенномъ критическомъ моментѣ только и исключительно будутъ имѣться въ виду данныя даваемые источникомъ внѣ *всякаго* отношенія къ его внутреннему содержанію, его смыслу. Характеристика-же источника съ внутренней его стороны будетъ имѣть дѣло *исключительно* уже съ его смысломъ, его содержаніемъ. Изученіе всей совокупности условій, при которыхъ создавался источникъ настолько, насколько это должно было такъ или иначе отразиться на его содержаніи,—внутренняя провеніенція,—изученіе языка и его особенностей у даннаго источника съ точки зрѣнія морфологіи, фонетики, синтаксиса и стиля для точнаго и яснаго пониманія его смысла (если это — источникъ письменный),—сопоставленіе одной съ другой и съ данными, взятыми со стороны, отдѣльныхъ частей источника въ ихъ смыслѣ—содержаніи для выясненія дальнѣйшихъ чертъ къ характеристикѣ источника въ его цѣломъ со стороны его содержанія,—вотъ тѣ главнѣйшія части, болѣе или менѣе основныя, которыя намѣчаются въ характеристикѣ источника съ внутренней его стороны. Однако мы видѣли, что уже

было разъ отмѣчено, что критическій процессъ, во-первыхъ, выясняетъ вопросъ о самомъ источникѣ *въ его цѣломъ*, какъ *даннаго единаго цѣлаго*, а во-вторыхъ, выясняетъ, насколько и въ какихъ частяхъ источника являются достовѣрными тѣ *отдѣльные* факты—данныя историческія, которыя могутъ-быть изъ него извлечены; первую задачу предоставляли критикъ подлинности, а вторую—критикъ достовѣрности. До сихъ поръ, давая наше дѣленіе характеристики источника, говоря о двухъ частяхъ этой характеристики, мы вѣдь именно и говорили все время только объ источникѣ въ его цѣломъ, о немъ, какъ данномъ *единомъ цѣломъ*; такимъ образомъ мы въ сущности говорили только объ одной части характеристики матеріала, о характеристикѣ источника только и исключительно въ его цѣльности, о характеристикѣ «подлинности», которая, значить, какъ мы видѣли, можетъ быть подраздѣлена на характеристику подлинности 1) съ внѣшней стороны и 2) съ внутренней стороны.

Для дальнѣйшей общей характеристики источника является необходимымъ дать еѣ и по отношенію тѣмъ *отдѣльнымъ даннымъ* историческимъ, которыя заключаются въ изучаемомъ источникѣ а, слѣдовательно, тутъ будетъ имѣться вторая основная часть общей характеристики, которую можно назвать, согласно только-что выше-указанному дѣленію, характеристикой «достоверности» матеріала. Въ этой части общей характеристики изслѣдователь будетъ имѣть дѣло уже только съ отдѣльными свидѣтельствами источниковъ, по возможности о каждомъ изъ нихъ собирая и подыскивая точныя данныя всякаго рода, могущія такъ или иначе освѣтить то или иное отдѣльное свидѣтельство матеріала со всѣхъ его сторонъ.

На такіе основные отдѣлы можетъ быть подраздѣлена первая часть критическаго процесса—общая характеристика матеріала.

Мы стремились показать выше, что вторая часть критическаго процесса состоитъ въ отнесеніи матеріала къ фактической истинѣ. Это дѣлается возможнымъ именно теперь, послѣ того, какъ намъ будетъ достаточно полно извѣстна характеристика источника въ ея цѣломъ. Только теперь можно будетъ отвѣтить точно на тѣ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ совершается и опредѣляется отнесеніе къ фактической истинѣ. Вопросы эти въ ихъ болѣе или менѣе общемъ видѣ могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: что въ

данномъ матеріалѣ соотвѣтствуетъ по своему существу данной фактической истинѣ, а потому должно быть принято изслѣдователемъ въ его дальнѣйшую работу, и наоборотъ, что явится въ матеріалѣ совершенно несоотвѣтствующимъ этой фактической истинѣ и должно быть откинуто изслѣдователемъ въ ходѣ его дальнѣйшей работы; насколько и какой именно сторонѣ фактической истины соотвѣтствуетъ какая и въ чемъ именно сторона матеріала принятаго изслѣдователемъ въ работу.

На разрѣшеніи этихъ вопросовъ оканчивается критическій процессъ и этимъ, думается, матеріалъ для дальнѣйшей исторической работы будетъ опредѣленъ, точно выясненъ въ его существѣ и оцѣненъ.

В. Веретенниковъ.
